

**КАМЕННЫЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ТОРЖКА:
ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКИ***А. М. Салимов*

В Средневековье не только такие крупные города Северо-Западной Руси, как Новгород и Псков, но и менее значительные имели каменные оборонительные сооружения. Среди последних могут быть названы Ладога, Изборск, Копорье, Порхов, Ямгород и ещё ряд опорных пунктов с каменными крепостями. Но были и такие города, которые, несмотря на своё важное политическое и экономическое значение вплоть до Петровского времени, по всей видимости, сохраняли деревоземляные укрепления. Таковым, вероятно, был кремль Старой Руссы, и до недавнего времени не было серьёзных оснований относить к числу городов с каменными оборонительными сооружениями и Торжок. Однако в начале XXI в. это мнение подверглось существенной корректировке, поскольку в 2002 г. на Нижнем городище Торжка во время археологических исследований в районе набережной р. Тверцы экспедиция Всероссийского историко-этнографического музея обнаружила белокаменную конструкцию, которая была соотнесена с остатками одной из каменных башен Торжка, появившихся, по мнению авторов, в 1340 г.¹ Исследователи сочли эту находку «важным открытием, позволяющим утверждать, что в XIV в. на юго-восточном рубеже Новгородской земли была сооружена дерево-каменная крепость». Сочтя обнаруженную конструкцию однозначно фундаментом башни 1340 г., П. Д. Малыгин и Н. А. Сарафанова высказали уверенную надежду «в будущем вскрыть остатки ещё двух каменных башен (Спасской водяной и Петровской) и каменной стены вдоль ручья Здравовца на Нижнем городище Торжка².

Выявленный в 2002 г. кладочный массив (4,6 × 2,6 м в плане — ил. 1), состоящий в основном из грубооколотых блоков на известковом связующем, был атрибутирован в качестве северного пилона Тайничной башни Новоторжского кремля. Южный пилон П. Д. Малыгину удалось зафиксировать ещё в 1973 г. в непосредственной близости от северного (на расстоянии 3,4 м) при прокладке газопровода. В итоге, исследователи пришли к выводу, что своей конструкцией Тайничная башня Торжка напоминала «костры» новгородского Острога конца XIV в. (ил. 3), а по размерам была близка воротной башне 1342 г. Орлецкого городища (ил. 2). Таким образом, если ориентироваться на мнение исследователей, изучавших башню в Торжке, плановые габариты новоторжского «костра» могли составлять 8,6 × 4,6 м³.

Отметим, что и предложенная авторами реконструкция объёмного решения и, соответственно, атрибуция обнаруженных конструкций, а также использованные ими для аргументации сделанных выводов аналогии не кажутся нам бесспорными. Но, прежде чем обратиться к рассмотрению этого вопроса, хотелось бы остановиться на времени строительства выявленных фундаментов, поскольку, несмотря

на некоторую императивность в суждениях исследователей, предложенная ими для этого памятника датировка не представляется «идеальной»⁴.

Малыгин и Сарафанова сочли возможным связать относящееся к 1340 г. летописное свидетельство о пребывании в Торжке значительного числа новгородцев, которые «седеша месяц в Торжску, город утвердивше»⁵, с фактом строительства здесь нескольких каменных башен⁶. «Утверждение» города — необязательно строительство или реконструкция его оборонительных сооружений⁷. Эта фраза могла означать только то, что Торжок получил серьёзную защиту благодаря находящемуся здесь в течение месяца новгородскому воинскому контингенту. В свою очередь следующее по времени летописное свидетельство, повествующее о том, что в 1372 г. «поихаша новгородци в Торжек города ставити»⁸, П. Д. Малыгин и Н. А. Сарафанова сочли фиксацией «ещё одного запланированного новгородским правительством этапа по превращению Нижнего городища Торжка в каменную крепость»⁹. Хотя в данном случае приезд новгородцев мог быть вызван их желанием помочь новоторам в постройке сгоревших в 1371 г. деревянных оборонительных сооружений, которые, надо полагать, жители Торжка начали восстанавливать ещё осенью 1371 г. и тогда же, вероятно, в структуре дерево-земляных укреплений могли заложить каменные башни. Ведь их создание могло стать естественной реакцией на гибель в 1371 г. от пожара деревянного Новоторжского кремля. Напомним, что в 1371 г. «погоре город Торжок весь»¹⁰, но этот факт Малыгин и Сарафанова почему-то обошли своим вниманием. Когда же им было указано на очевидное игнорирование этого свидетельства¹¹, авторы изучения фундаментов башни предложили считать «известие под 1371 г. неким преувеличением, а пожар 1371 г. всего лишь локальным» (?!)¹², хотя в ряде летописных сводов говорится о том, что сгорел «весь» город (или «весь» Торжок).

В попытке сохранить за обнаруженными конструкциями некогда принятую датировку, П. Д. Малыгин и Н. А. Сарафанова предложили довольно-таки странный аргумент, который следует привести полностью: «...судя по летописным свидетельствам, ни одна каменная крепость на Руси в XIII–XV вв. не сооружалась после гибели в пожаре своей деревянной предшественницы» (?!)¹³. Думается, что смелость обобщений в данной ситуации базируется или на поверхностном знании материала, или на стремлении любой ценой ввести в науку принятую на начальном этапе исследований и не подвергнутую затем критическому анализу датировку. К сказанному можно добавить, что в Торжке после пожара 1371 г. строилась, по предложенной нами версии, не каменная крепость, а дерево-земляные оборонительные сооружения, в состав которых могли включить несколько каменных башен.

Ещё одним важным аргументом, выводящим строительство каменных башен за пределы 1340-х гг., являются обнаруженные в кладке северного пилона фрагменты кирпичей, которые своими размерами тождественны кирпичам, использованным в 1364–1365 гг. при возведении в Торжке нового городского Спасо-Преображенского собора. Заметим, что исследователи отметили аналогичность этого материала кирпичам Спаса¹⁴. А поскольку источники не фиксируют строительство до 1364 г. каких-либо каменных храмов в Торжке, у нас есть основание

считать попавший в кладку башни кирпич тем материалом, который остался после строительства городского собора.

Пытаясь найти выход из возникшего противоречия, Малыгин и Сарафанова связали появление кирпича 1364–1365 гг. в обнаруженной конструкции с ремонтом северного пилона Тайничной башни¹⁵. Но ведь кирпич присутствует в заполнении фундаментной кладки, и здесь можно говорить только о строительстве данного сооружения, а не о его ремонте.

Не противоречат предложенной датировке башни — 1371–1372 гг. — и деревянные городни с дендродатой 1366 г., которые, по мнению П. Д. Малыгина и Н. А. Сарафановой, соотносились с каменными башнями 1340 г. и которые после разгрома Торжка тверским князем Михаилом Александровичем (в 1372 г.) перекрыла глиняная наваловка 1375 г.¹⁶ Наша аргументация в данном случае следующая. Во-первых, срубленное в 1366 г. дерево могли использовать несколькими годами позже, например, осенью 1371 – весной 1372 гг., когда Торжок восстанавливали после пожара 1371 г. Во-вторых, зафиксированный под городнями 1366 г. слой пожара необязательно связывать с 1315/1316 гг.¹⁷ Его вполне можно соотнести с пожаром 1371 г.

Наконец, о времени и причинах разрушения каменной башни в Торжке. В этом случае наиболее вероятным следует, по-видимому, считать период, охватывающий конец мая – начало июня 1372 г. Об этом свидетельствует как исторический контекст (разорение города Михаилом Александровичем), так и археологические данные. Но в обозначении основополагающей причины разрушения каменных башен Малыгин и Сарафанова руководствуются, на наш взгляд, больше эмоциями, нежели реальной оценкой событий. Очевидно, что Торжок стал заложником московско-тверских противоречий и непродуманных действий Новгорода. Ведь тверской князь был обозлён не строительством каменных башен, а изгнанием из Торжка его наместников. Масло в огонь подлили новгородцы, которые избили и ограбили тверских купцов, а затем в резкой форме отказали Михаилу Александровичу в выдаче виновников грабежей. Не получил тверской князь и разрешения вернуть в Торжок своих наместников. При выполнении этих требований Михаил Александрович обещал оставить Торжок в покое¹⁸. Заметим, что инициатором активных антитверских действий был, по всей видимости, «новгородский воевода Александр Абакумович, удалой предводитель ушкуйников» или просто бандитов, которые занимались разбоем и грабежами по Каме и Волге¹⁹. Вероятно, поэтому новгородцы и новоторы предпочли войну и выступили против тверской дружины. В итоге, их авантюра потерпела сокрушительное поражение, и разозлённый Михаил Александрович жестоко разорил город²⁰. Как видим, не башни стали основной причиной похода тверского князя на Торжок. Допускаем, что они выступили дополнительным раздражителем и поэтому были разобраны. Хотя не исключено, что тверичи специально не занимались их разборкой. Начало разрушению положил огонь, а затем сами новоторы перед строительством новых укреплений (в 1375 г.) разобрали полуразвалившиеся башни. Поэтому, принимая во внимание весь комплекс источников, есть основание отнести сооружение каменных башен в Торжке к осени 1371 – весне 1372 гг.

Если их разобрали между 1372 и 1375 гг., то в этом случае новоторжские «костры» просуществовали достаточно короткое время. Но думается, что, даже если бы эти башни не были разобраны людьми, они достаточно быстро разрушились бы сами, поскольку небольшая глубина заложения фундаментов (45–60 см) и их постановка не на материковый грунт, а на культурный слой привели бы к естественному разрушению выполненных без должного старания башнеобразных конструкций.

Возвращаясь к предложенной П. Д. Малыгиным и Н. А. Сарафановой реконструкции Тайничной башни, замечу, что при таком объёмно-пространственном варианте своей длинной стороной башня оказывается ориентированной не поперёк крепостной стены (как новгородские «костры» Окольного города²¹), а по её трассе. Получается, что лицевые (восточная и западная) стороны башни почти в два раза превышали длину пилонов, т. е. тех плоскостей башенного объёма, к которым примыкали дерево-земляные конструкции стен. Наверное, подобное расположение Тайничной башни в структуре оборонительных сооружений Торжка исключать нельзя, но в этом случае достаточно сложно подобрать в крепостном зодчестве Древней Руси XIV–XV вв. типологически близкие аналоги. Некорректной можно считать и отсылку к проездной башне Орлецкого городища, габариты которой, по мнению авторов, в наибольшей степени соотносимы с новоторжским «костром». Начнём с того, что, в отличие от Тайничной башни в Торжке, единственная башня северодвинской крепости относится к числу угловых, а её северный пилон находится на трассе северной стены, т. е. по сути дела является её западным концом. Что касается южного пилона, то он имеет иную плановую форму и расположен со смещением (к западу) по отношению к северному²². Таким образом, предложенная П. Д. Малыгиным и Н. А. Сарафановой интерпретация обнаруженной в 2002 г. конструкции в качестве северного пилона Тайничной башни Новоторжского кремля требует, на наш взгляд, расширения арсенала архитектурных форм, которые могли быть связаны с найденными в 1973 и 2002 гг. фундаментами. Небезынтересным в данном случае может оказаться иконографический материал, содержащий изображения застройки Новгородской набережной в Торжке, где и были найдены интересные нас конструкции.

В этой связи обращают на себя внимание фотографии начала XX в., фиксирующие в районе обнаруженных фундаментов балюстраду, расположенную в створе утраченного во второй половине XX в. межквартального переулка (ил. 4). Балюстрада, по всей видимости, входила в состав того благоустройства (мощение — ил. 5), которое находилось напротив дома купца Масленникова (Новгородская наб., 3). Балюстрада, вероятно, служила ограждением небольшого моста, который был переброшен через дренажную канаву, устроенную в створе межквартального переулка для сброса талых и дождевых вод. Поэтому если отказаться от предложенной П. Д. Малыгиным и Н. А. Сарафановой идентификации обнаруженной постройки в качестве башни и предположить, что выявленные в 1973 и 2002 гг. «пилоны» относились не к башне, а к опорам моста, ограждением которого и служила балюстрада, то в этом случае атрибуция выявленного сооружения окажется более объяснимой.

Данный вывод не отрицает самой возможности существования в Средневековье в структуре оборонительных сооружений Торжка каменных башен, но обнаруженные в 1973 и 2002 гг. конструкции сегодня в большей мере увязываются с иной по характеру и, следовательно, по датировке постройкой. В итоге, принимая во внимание масштабы проведённых купцом М. И. Масленниковым в 1880-е гг. на Новгородской набережной строительных работ, в рамках которых был выстроен новый жилой дом, обновлён флигель²³, возможно, создан комплекс служебных зданий на территории усадьбы и замощена значительная по площади площадка перед домовладением, устройство балюстрады и несущей её арочной (?) конструкции можно также отнести к последней четверти XIX в.

В краеведческой литературе, появившейся в начале XX в., содержится информация о том, что в 1882 г. во время строительства дома Масленникову В. И. Назарин «обнаружил основание башни»²⁴. Действительно, рядом с основанием под позднюю балюстраду в земле на берегу Тверцы могли находиться и остатки средневековой башни. Но где гарантия, что обнаруженная Назариным кладка не относилась к более раннему дренажному устройству, созданному здесь в последней четверти XVIII в. в период массовой застройки Новгородской набережной каменными жилыми домами и утраченной ко второй половине XIX в.?

¹ Сарафанова Н. А., Малыгин П. Д., Седов В. В. Открытие каменных оборонительных сооружений XIV в. в Торжке // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С. 173–175; Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Открытие каменных оборонительных сооружений XIV в. в Торжке // Новоторжский сборник. Торжок, 2004. Вып. 1. С. 33–42; Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Новоторжский кремль в XIV в. // Великий Новгород и средневековая Русь. М.: Памятники историч. мысли, 2009. С. 86–94.

² Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Дерево-каменные укрепления Торжка XIV в. и некоторые особенности древнерусского каменного зодчества // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 105.

³ Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Открытие каменных оборонительных сооружений XIV в. в Торжке... С. 35; Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Новоторжский кремль в XIV веке... С. 89.

⁴ П. Д. Малыгин и Н. А. Сарафанова утверждают, что 1340 г. «может считаться идеальным для строительства укреплений Торжка» (См.: Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Дерево-каменные укрепления Торжка XIV в. ... С. 106).

⁵ НПЛ. С. 352.

⁶ Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Новоторжский кремль в XIV в. ... С. 91.

⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 3. Ч. 2. Стб. 1306–1308.

⁸ НПЛ. С. 371.

⁹ Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Новоторжский кремль в XIV в. ... С. 92.

¹⁰ НПЛ. С. 371.

¹¹ Салимов А. М. К вопросу о датировке каменных оборонительных сооружений Торжка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 37.

¹² Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Дерево-каменные укрепления Торжка XIV в. ... С. 108.

¹³ Там же. С. 108.

¹⁴ Сарафанова Н. А., Малыгин П. Д., Седов В. В. Открытие каменных оборонительных сооружений XIV в. в Торжке... С. 174.

-
- ¹⁵ *Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А.* Дерево-каменные укрепления Торжка XIV в. ... С. 110–111.
- ¹⁶ *Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А.* Открытие каменных оборонительных сооружений... С. 35–37.
- ¹⁷ Там же. С. 35–36.
- ¹⁸ *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. Тверь, 1994 (по изданию 1876 г.). С. 155–156; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. М., 1988. Кн. II. Т. 3–4. С. 264–265; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 206–207.
- ¹⁹ *Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. СПб., 1873. Вып. 1. С. 214.
- ²⁰ *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества... С. 155–156; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён... С. 264–265; *Клюг Э.* Княжество Тверское... С. 206–207.
- ²¹ *Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А.* Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997. Ил. 107–109.
- ²² *Овсянников О. В.* Каменный кремль XIV в. в низовьях Северной Двины // КСИА. М., 1974. Вып. 139. С. 114–117.
- ²³ *Линдеман И. К.* Разбор сведений, сообщаемых Пальмквистом о Торжке. Тверь, 1905. С. 13. Прим. 3.
- ²⁴ Там же.